

Иван Клиновой
Осязание
книга стихов

| 2004–2007 |

| Красноярск · 2009 |

Автор благодарит коллектив Литературного музея им. В. П. Астафьева и всех добрых людей, с чьей помощью эта книжка увидела свет.

Книга Ивана Клинового — явление для современной молодой поэзии отрадное и уникальное. Во-первых, тем, что это действительно книга, а не собрание случайных текстов, умение выстраивать цельное лирическое повествование сейчас, к сожалению, большая редкость. Во-вторых, следует с радостным удивлением отметить сочетание неподдельной оригинальности с традиционностью, качество бесценное на фоне повсеместного шарлатанского (или невежественного) «изобретения велосипедов». И в-третьих, я хотел бы сказать, что это стихи по-настоящему молодые — многие из них кажутся набросками будущих текстов, зародышами ещё ненаписанных книг. Это свойство мне представляется также чрезвычайно симпатичным.

Тимур Кибиров

© Иван Клиновой, стихи, 2009

© Александра Елютина, рисунки на обложке, 2009

* * *

*Печали нет уже ни грамма,
Написан реквием листве
И только бабочки упрямо
Порхают в полой голове.*

*И только бабочки златые
Моргают крылышками век,
И мы, такие молодые,
Летим на свет, нас нет, на снег...*

* * *

Ловите радостный момент:
Поэт сегодня снова с нами!
Пьёт обжигающий абсент
Неторопливыми глотками...

А мы расписываем пульку
И чертим чёрное сукно...
Свеча похожа на сосульку,
И прочих странностей полно...

На цыпочках секундных стрелок
Часы уходят в никуда,
Но это никуда в пределах
Одной лишь комнаты всегда...

А в заштрихованном ветвями
Окне прорезался рассвет...
Поэта больше нету с нами —
Пришёл в сознание поэт!

* * *

Беги, беги... Твой гений сбился
С пути на бред и не берёт
Ни слов за вход, ни снов за пирсинг,
Как, впрочем, и наоборот.

Беги... Ему уже за тридцать
И он сошёл с горячих рельс,
И он готов на бис убиться,
Чтоб потеплел суровый цельсий.

Беги... Ведь ты ещё моложе,
Живее ртути и грозы.
Беги... И пусть тебе поможет
Не страх, но зреньё стрекозы!

* * *

«Не зная брода,
Не суйся в бред!» —
Кричат свобода
И Архимед.

Какая польза:
От сих до сих?
Нацепят кольца,
Подрежут стих,
Турнут на волю,
Пасться в пруду —
И станешь болью
В своём бреду,
И станешь лебедь,
Но Архимед
Кричит: «Тебе, блядь,
Летать не след!».

А ты, от боли
Скривив губу:
«Ну, нет! Я буду
Стихи... Я бу...».

ДАЙВЕР

Я жалею, что вынырнул
Не под винт корабля.
Ты тогда бы не выменял
За мой труп ни рубля.

Жаль, что кем-то украдена
Из глубин словаря
Марианская впадина,
Что старался я зря.

Жаль, что сердце варначье,
То, что бьётся во мне,
Ни медузой прозрачною
Не осталось на дне,

Ни ракушкой, источенной
Червячками секунд.
Жаль, что не обесточило
Голос, ставший во фрунт.

Ни тебе и ни прошлому,
Только будущему—
Стихотворное крошево—
Если будет кому...

* * *

...и день начнётся, и расчотется
лежать в постели деревянным,
пока тебя, как древоточцы,
сны проедают окаянные...

...и длится день, и солнце катится
по обречённой мостовой
голубоглазой каракатицей,
влюблённой, словно неживой...

...и меркнет день, и пьянь вокзальная
напялит зенки, как картузы,
на умирающее зарево,
на перебранку туч кургуzych...

* * *

Золотоглазый пепел сигаретный
В потрескавшейся пепельнице дня...
Возьми меня, я твой билет обратный!
Возьми с собой, не забывай меня!

И на графе «Влюблён ли?» я открою
Свой новый паспорт, сверившись с судьбой...
И ты вернёшься, навернувшись с краю,
Чтоб взять меня... чтоб взять меня... с собой...

АПОРТ, ЖИЗНЬ, АПОРТ!

1. Береги безрассудное солнце,
но не стой у него на дороге!
Эти пальцы беременны прошлым,
но беременны будущим губы...
Отпустивши любимую в ванну,
завернись в одеяло поглубже,
запасись бесконечным терпением
и умри...

Никогда на рассвете
ты уже не почувствуешь влаги
и не сможешь уже прикоснуться
к безрассудному солнцу, которым
не владеешь...

Апорт, жизнь, апорт!

2. ...и никому не верю, ничего
я не боюсь — ни суеты, ни быта,
ни бога, ни безверия, ни тела,
в котором я сгораю ежечасно,
и ни другого тела, над которым
роются мысли: «Как бы согрешить?!».
- ...и выброситься на́ берег безмолвно,
и наглотаться воздуха, чтоб в горле
пружинками глаголы застревали
и сердце шестерёнками скрипело,
и лёгкие выплёвывать, как губку,
с одной лишь мыслью: «Как бы согрешить?!».
- ...и никому не верю, ни... ко... му...

ВИДОИЗМЕНЕНИЕ

Когда ты порываешься выброситься на сушу,
выйти из моря и обрасти сосками,
я тебя – в бога мать душу! –
готов удавить собственными плавниками.
На кой сдалась тебе эта суша, милая?!
Неужели тебе не хватает моря?!
Почему ты не можешь собраться с силами,
отречься от берега и не знать горя,
как этот сделал я, развернувший
для тебя коврами поляны водорослей,
ради тебя морскому дьяволу продавший душу
поперёк горла врождённой гордости?!
Ну, кто ты будешь на берегу?! Сирота казанская?!
А здесь – такая красота, такая свобода, такая романтика!
Подумай только, нами ещё не покорена Марианская!
Нас ещё ждёт Атлантика!..

.....
Чёрт с тобой, выйдем на сушу, подадимся в людские таборы!
Только потом не говори, что я стал другим и что всё обрыдло!

.....
Чувствуешь, как видоизменяются плавники,
Как высыхают жабры, как я становлюсь быдлом?..

* * *

«Терпите радугу! Не сразу,
Но ей положено войти,
Переворачивая разум
С ж/д пути на те пути,
Которым верят самолёты,
Которым вверить бы себя
И прогулять и мёд, и соты,
Ни радуги не пригубя!

Терпите радугу! Не больно! —
Кричу я, вставши на карниз. —
Терпите радугу отдельно
И слитно, и через дефис!
Хоть на фарси, хоть на иврите,
Сквозь холод и туман, и мреть
Терпите радугу, терпите!
Я больше не могу терпеть!».

* * *

Мне хочется плакать от боли.
Мне надо забыться во сне.
Мне надо растапливать печку
тетрадами душевных стихов.

И хочется выкинуть пальцы
на берег безмолвной страны:
кривые, как будто кораллы,
и грешные, словно Лилит.

А если случится облава
Зоилов на мой кабинет, –
всегда чёрный ход псевдонима
имеется в доме стихов.

ПУШКИНСКИЕ ГОРЫ

Старательно раскладывая капли
В асфальтовые трещинки, шёл дождь,
Стояли невостребованно цапли,
Как фонари, стояла грустно лошадь,
А у могилы страшною толпой,
Перформанса с прохладцей ожидая,
Стояли люди и стоял прибор
Зелёных крон, и бомж сидел, икая,
Крестя дождинки левою рукой,
И я стоял, строфу запоминая,
Жуя лепёшки горькой немоты.
Стояли все, друг в друга не вникая
И в рану торопясь вложить цветы.

* * *

...а когда усталая продавщица
полбуханки хлеба отрежет мне,
я пойму, что может мне лишь присниться
жизнь в забытой, как сон, стране...

...а когда в плацкартном или купейном
подмигнёт попутчица, я пойму,
что нельзя всю жизнь заливать портвейном,
ибо если ищешь – находишь тьму...

...а когда не плачется и неймётся,
только курится, и надо мною стриж,
я пойму, что ни журавлю – колодца,
ни синичке – веточки не простишь...

* * *

Как жаль, теперь нам некогда грустить:
Жизнь состоит из денег и приветствий.
Снежок бы скомкать наскоро в горсти
И пососать, как лакомились в детстве.

И кажется, что пережить нельзя
Такую ночь, не навернувшись с краю,
Но, как ребёнку, пальчиком грозя
Пустому небу, я переживаю...

* * *

В эту комнату, словно в чужую,
Я вхожу, хоть и знаю: моя.
Ничего не прошу, не тоскую.
Это, может быть, смысл бытия:
Отрешённо смотреть на родное
И не чувствовать в сердце иглы, —
А когда-то оно, ретивое,
Не любило холодной игры.
Но теперь я свободен. Дамокла
Побрякушка — брелок для ключей.
Успокоилась, стихла, замолкла
Эта комната. Всё — я ничей,
А, точнее, чужой: этим стенам,
Этим людям и этим вещам.
Равнодушно, неприкосновенно
Их сегодня стихам завещал.
В эту комнату, словно в чужую...
Нет, не словно. В чужую вхожу.
Ничего не прошу, не тоскую.
Всё запомню и свет погашу.

* * *

Ему хватало ночника на стенке,
И скальпель как влитой лежал в руке.
Он разбивал на чашечки коленки
Пред ней одной в полночном тупике.

Он струйкам строчек отдавал свой трепет,
Летал, покуда тень была легка,
И всё ещё надеялся, что скрепит
Их судьбы чья-то сильная рука.

Но, радуясь всему, что есть на свете,
Он думал о другом черновике:
«Прохожие нанизаны на ветер...
Кому такие чётки по руке?».

* * *

Гудит в самолётном сопле,
Как в горле пивной бутылки.
Из Липок я вывез сопли
И страшные сны о ссылке
Вдали от тебя, родная,
Кошмары похлеще «матриц»,
И вот они знают адрес,
Куда им лететь из края,
Где снов аниматор жуткий
Рисует их с быстротою
Прозрачной и мрачной шутки
С исправленной запятой.

БЛОК_О_ДОБЛЕСТЯХ.МРЗ

Пластинка держится на кончике иглы,
На чём-то вроде зиждется и темень...
Мне кажется, что я опять не с теми,
С кем должен разделять своё «курлы»...
Мне кажется, я, Боже, глуховат...
Есть человек, но гóлоса не слышно!..
Он должен бы сказать, что так уж вышло,
Но губы шевелятся невпопад.
И ничего уже не произносят,
Как если бы мы были под водой...

В теории, я, Боже, глуховат,
Но суета высокого пошиба
И требует отката чуть назад,
Чтоб между тресков, шорохов, цитат
Нам слышалось «спасибо» и «паршиво»...

* * *

Юрию Беликову

В спинном мозгу разумного Урала
Найдя дыру, я вывалился из
Вагона на перрон и в жуть вокзала
Опять вошёл, как только входят в жизнь.

Когда ещё взойду на перекрёсток,
Как на престол, и где, как не в Перми!
Здесь лишь разочарованный подросток
Умеет пить, как бог, и, чёрт возьми,
Меня, его и всё, что нам приснится,
Но выдерни из этого дерьма!

С той стороны стекла сидит синица,
Холодная, как здешняя зима...

* * *

Овал лица в квадрат окна
Невольно вписывает память,
И ночника тускнеет пламя...
Ты ни в кого не влюблена.

А ночь тиха, но не везде
(поступок, поступь – всё едино):
Там изредка шипят машины,
Как шкварки на сковороде,

Здесь тихоходы не спешат,
Ведь их шажочки – лишь секунды.
Штрихи отточены и скудны:
Лицо – овал, окно – квадрат...

* * *

Деревья в воздухе застряли, будто в пробке.
Какая тут поэзия вокруг,
Когда всё небо в неудачной штопке
Кургузых туч, когда берёт испуг

Тебя на кончик молнии, как в детстве
На веточку ты гусеницу брал,
А в офисе у осени аврал
И ты жалеешь о таком соседстве?!

Кому ещё тут верить, как не тем,
Кто с молнией знаком не понаслышке?!
И лирики берут подмышку книжки
И к физикам бегут...

* * *

...а под занавес дождик
и тропинка домой,
и железнодорожный
холостой, холостой,

и в кармане забыто
два билета в кино:
с кем ушла Карменсита
нам уже всё равно.

.....

Все слова второпях
так похожи на чудо:
я забуду себя,
но тебя не забуду!

А потом день-деньской
эхом из ниоткуда:
холостой, холостой...
но тебя не забуду!..

* * *

Дорогая, не бойся, я здесь, на площадке курю,
В майонезную баночку пепел кладу аккуратно
И, обросший кудряшками дыма, тихонько творю
Эти длинные строки, но, правда, зачем — не понятно.

То ли воздух несладок, то ль уши забиты песком,
То ли я не умею входить в суету междуречья.
Ты не бойся, ты спи. Я прижмусь продымлённым виском
К твоему изголовью... И встану столетью на плечи...

ССОРА

Ты всё сказала? Да, в моей башке
Одни и те же бабочки порхают,
И над башкой висят на волоске,
И в камешках янтарных умирают!

Дай мне сказать! Во-первых, в-пятых, в-сотых,
Я сам себе шарманка и ликбез,
Но без тебя – я мёд, остывший в сотах,
А у тебя простуда на губе...

* * *

Спи! Я твой сон постерегу.
Мобильный из ладони выпал.
Стихи пасутся на снегу,
Но ты уже не слышишь скрипа.

Твоя кровать уже плывёт
По городскому океану
И ты не слышишь, как поёт
Хор фонарей тебе осанну.

А ночь, тягуча и черна,
Как битум, тихо остывает,
И от своих щедрот она
Стакан окошка наполняет.

Но я не лучший кормчий сна,
Уже клюю горбатым носом,
Уже мне видится луна
Похожим на мой нос вопросом.

Спроси меня сквозь сон, на ком
Сошёлся клин на белом свете...
Ты ткнулась мне в плечо виском.
Я за тебя сейчас в ответе.

Но сам себе же промолчу
В ответ. На ком ещё, родная?!
Молчание мне по плечу...
И ночь от края и до края...

В СЕРЫХ ТОНАХ

Смотри, нас чернозём запоминает...

М. Акимова

...и вся такая смачная, земная
она прошла по облаку, хромая
на ноте «до», и после – ни трамвая...

Откуда было знать ему, что чуду
подвержен каждый и что эту ссуду
с небес кому попало не дают?!
Нет, он не знал. Но шёл за ней, покуда
плыл, как мираж, над городом уют...

А вслед за ними, не переставая,
шёл снег и заметал следы трамвая,
две параллельных линии прямых,
и чёрен был тот снег, как белый стих.

* * *

Я разорюсь на эсэмэсках,
Но лишь бы знать, что ты в порядке!
Смотри-ка, в лужах, как на фресках,
Мы без оглядки
Летим в полуночное нечто,
И нас не повторяют витрины,
Покуда небо – бесконечно,
И мы – неповторимы!

* * *

Лене Зыряновой

...а когда отпустило, он понял, что горек не чай,
Что горька тишина, нахлебавшись которой, он бредит,
Что сюда уже вряд ли с такой же надеждой приедет,
Что гигантский кулак, ударяющий в Томь, — это взрыв,
Что не выдержит небо — и будет всерьёз и навзрыд...

Что такого в усталых домах и чужих этажах,
Что сюда возвращаться не хочется, лишь уезжать,
И всю ночь между Томском и Кырском, на этом отрезке,
В неудобном автобусном кресле читать эсэмэски:
«Как приедешь, скажи: «С возвращеньем...»,
«Не плачь...»,
«Не скучай...».

СОН

Щекой к щеке – и тает снег,
И ручейком щекочет шею.
Свет начинает свой разбег
И затопляет всю аллею.
Я замираю, я немею,
И лишь сморгну снежинки с век.

Вот так, в неподвижности, сидеть,
Теплом делиться днесь и впредь,
И чувствовать, что жизни мало,
И слышать: чайка прокричала,
И видеть снеговую мреть,
И знать, что сам – не из металла...

Но пахнут волосы костром,
Запоминаются наощупь,
И всё становится чуть проще...
Я снегом, как судьбой, влеком,
Но ни снежинки и ни строчки
Нельзя оставить на потом...

* * *

...и, если Вы ещё от песен не оглохли,
ответьте мне сейчас, пожалуйста, в стихах.

Во многих городах по Вам девчонки сохли?
Хотелось ли потом бывать в тех городах?
Зачем же я встаю с прокрустовой кровати
с обрубленной ногой, а чаще головой,
и вою на Луну (при полной лампе, кстати)
стихотворяще злой, шершавый и шальной?
На кой мне нужен свет в конце туннеля горла
и воздух, что шипит, от трения горяч,
скрипящая кровать, несущаяся вскачь,
которая от всех больное сердце спёрла?
Зачем же эти все разбросанные вещи?
Что – перси и лобки, и лядвия, и проч.,
когда меня берут за что похлеще
и чёрствый день, и перезрела ночь?

ВОЛОСЫ БЕРЕНИКИ

Губы под этим именем трескаются коростой.
Волосы эти льются, тянутся сквозь интернет.
За этими волосами я бы поднялся к звёздам.
Только, смотрю, ещё одному созвездию места нет.

И остаётся: голосу – виться дымком сигаретным,
Виться вокруг да около, рядом да не совсем,
Не застревая в локонах, в пальцах, в словах ответных,
Не создавая памяти, времени и проблем...

* * *

Поезд, поезд... Новый Демосфен...
До Иркутска путь косноязычен,
Дальше — хуже... Вне родимых стен
Отвыкаешь даже от кавычек,
О словах уже и речи нет,
Вроде как из речи этой вычтен...
Что ни происходит — непривычно,
Даже если будущим задет...

* * *

...и я сошёл в назначенном Иркутске,
и огонёчек зажигалки узкий
лицо моё нездешнее открыл
для бабочкиных суетливых крыл,
и бабочка в лицо моё стучалась,
а я закрылся шторкой темноты —
лицо не для неё предназначалось,
хотя и с ней хотелось быть «на ты»,
и бабочка, как будто ставя «птичку»
в блокноте, быстро чиркнув по скуле,
зажглась, внезапно превратившись в спичку,
и в пепельнице тухнет на столе.

* * *

Из чёрной ночи я иду на свет
И посылаю сны тебе вослед,
Наказывая им не быть цветными,
Ведь в чёрно-белой гамме всё точней.
Я от ночей не отличаю дней,
Запутываясь в сигаретном дыме.

А ведь и ты мне посылаешь сны.
Их контуры, увы, не так ясны,
Ведь сны твои ко мне приходят в цвете.
Но я бегу от них, теряю цвет,
Запутываясь в дыме сигарет.
Так и живу на чёрно-белом свете.

* * *

Свечи потухли, оплыли и попросту стали ненужными,
Только луна освещает пустую постель
Да за окном фонари, что кивают недружно, —
Все остальные источники света слизнула метель.

Эту постель я согрею собой в раз не помню какой и останется
Только уснуть, только видеть чеширские сны,
Где от танцующей пары остались лишь контуры танца,
Но и они скоро будут себя лишены.

* * *

Жизнь проходит: дом, работа...
Всё-то хочется кого-то,
Но кого — я не скажу,
Потому что дорожу
Этим кем-то, даже слишком.
Я тебя люблю, малышка!
У тебя подмышкой книжка,
Ну, а в книжке — тишина.
Сны — сплошная фотовспышка,
И — не видно ни хрена.

Дом, работа — жизнь проходит...
И, одет не по погоде,
Я тропиночку сегодня
От подъезда до тебя
Протоптал в снегу господнем,
Шарфик нервно теребя,
Но в твоей квартире — кто-то,
Т. е. ты там не одна...
Вышла замуж за работу,
И — не видно ни хрена.

* * *

Не выговорить мне вон ту звезду,
Не написать, как чудно пахнет кофе...
Ты обо мне подумай за версту,
А я уже услышу милый профиль
И вдруг запнусь на прыжке-апострофе,
Картавя, словно камешки во рту.

Перемещая мыслью города,
Перебирая имена, как чётки,
Я чувствую, что голос мой – короткий:
Ему не дотянуться никогда
До «конского хвоста» простой девчки,
Чьи руки – воплощённая беда.

Конечно, о тебе... О ком ещё
Так может заплетаться мой бескостный?!
А может быть, ещё не слишком поздно
Утраченное вернуть плечо?..
Я замолкаю, ляпнув чёрти чё,
Как прежде, бесполезный и беззвёздный, –
Не выговорить мне вон ту звезду...

* * *

Не важно, с кем поделишь ты кровать,
Не важно, чьи границы осязаешь,
Не важно, скажешь, всё и вся. Глаза лишь
И выдадут тебя. Но снова спать
С чужой женой иль с форточкой открытой,
Спать с Магдалиной или с Маргаритой...

* * *

Плоть щедрa на выгибы и всхлипы.
В полумгле, распластаны, как рыбы,
Бес в ребро и бес, но без ребра.
Сурдоперевод с санскрита тела,
Чтобы за живое не задело,
Мы читаем лишь при свете бра.

* * *

Бра останется гореть
Надо мной, уснувшим
И растаявшим на треть
В радужном грядущем.

Бра увидит, как во сне
Я шепчу недужно:
«Маша, Машенька, нас нет!
Машенька, не нужно

Ни окошек, ни дверей!
Всё открыто в бездну...».
Бра останется гореть,
Только я исчезну.

* * *

Душный день. И пыльная позёмка.
Никуда не хочется идти.
Мельтешащая речная кромка:
Руку протяни — уже в горсти.

Пташки, словно стая ребятишек.
Детвора, похожая на птах.
Папы вынимают из подмышек
Трубочки газет и мнут в руках.

Парочки влюблённых — не иначе! —
Прячутся в раскидистых кустах...
Воздух тяжелеет — это значит —
Если не за совесть, то за страх...

Молнией природа огрызнётся,
Вспучит кручи туч и вдруг родит
Лучик нержавеющей солнца
Перед тем, как рухнет сам зенит.

Здравствуй, дождь! Пусть люди разбегутся!
Я останусь. Никуда идти.
Набережная. Светло и пусто.
Речка пополам с дождём в горсти.

* * *

О, вещный мир под пальцами Сезанна,
Гогена, Ренуара и Дега!..

Не проще ли удариться в бега
И упереться в светотень стакана?!

Да, проще... Но куда как интересен
Их яркий мир под звукопись дождя!
И, несколько часов в нём проведя,
Ты видишь: мир обычный слишком пресен...

И кажется, что слов ужасно мало,
Что ты не передашь ни кисти ритм,
Ни форму красок и оставишь скрытым
Движение внутри ж/д вокзала.

О, вещный мир, в тебе таится столько
Чудесного: каракуль облаков,
Мосты, как скрепки между берегов,
И солнца апельсиновая долька...

ОСЯЗАНИЕ

Лица твоего черты
Останутся где-то там,
Где губы – под стать святым,
Где нету границ бровям,

Где скулы, как две скалы,
Где трепет ноздрей упрямя,
Где линии и углы,
Как алгебра – снегирям,

Где плоскости – это бред
И прочно забыт Евклид:
Ни жив и ни мёртв поэт –
Он просто боготворит

И лепит из тьмы лица
Не кларковский монолит,
А песенку для скворца,
И он тебе говорит:

«Поверь: осязать – обряд!».
Но пальцы-прожектора
Потушит внезапный взгляд,
Тяжёлый, как два ведра.

* * *

Окоём широк, но безотраден —
Звёзды тухнут, хоть одна б зажглась! —
Словно бы из воздуха украден
Самый нужный для дыханья газ.

Трудно оставаться на перроне,
Зная, что, как будто царь Эдип,
Удержаться не сумел на троне:
Поезд тронулся — и ты погиб.

Трудно просыпаться в одиночку,
Если засыпал почти вдвоём...
Оттого и смог вместиться в строчку
Некогда широкий окоём.

* * *

Саше Елютиной

Когда наступит разочарованье,
Мы станем настоящими друзьями
И никакие знаки препинанья
Не будут появляться между нами.

Пока что ты – воздушное создание...
Пока что я – курчавыми глазами
Смотрю на мир и отключил сознание:
«Пускай побудут мысли воробьями!..».

Пока что ты используешь глаголы
Так, словно не вернулась из Китая,
А может, из краёв Савонаролы...

Пока что я беспечен, отмечая
Сомненья, страхи, словно волны, волны...
Покуда между нами запятая.

* * *

Я разрываюсь между пустотой
и не пустой прозрачностью стакана:
стою над ним с тоскою истукана,
и хочется заесть тоску верстой,
потом украсть Изольду у Тристана
и разделить постель с ней, как с тобой.

Изольда хороша в постели, но
она тебя заменит ненадолго.
Я хлеб сломаю, погублю вино,
покроюсь пылью, словно кофемолка,
и в растворимом отразится чёлка.
Любви ещё не изобретено.

* * *

Вызубрю сквозь «Одиссею»
Боль возвращенья домой
К сказочному Енисею
С башней сторожевой,
С птицами над головой...

И кажется, не впервой,
А всё равно робею,
Стоя над Грусть-рекой,
Где обрести покой
Мальчику-чичисбею
Только с тобой...
С тобой...

* * *

памяти Алёши Аникина

...и выдохнул: воздух, запомни,
твой вечный соперник – земля –
меня обнимает, легко мне,
и мачты шумят корабля,
который меня подбирает
с прохладных и ласковых волн;
запомни, тобою я полон
до края, до края, до края,
и это не SOS, это гул,
почти стихотворный; я знаю,
что ты меня не обманул,
и с этим тебя отпускаю,
запомни! – и снова вдохнул...

* * *

памяти Анатолия Кобенкова

Смерть пройдёт в угольное ушко,
Словно послунявленная нитка...
С того света яркая открытка
Прилетит, и станет мне легко
Оттого, что смерть на свете есть...
Это значит, есть и жизнь на свете,
И гуляют дети в интернете,
Пташки свиристят по всей планете...
И пускай теперь стихи прочесть
Можно, только вспоминая голос,
Это ничего — тоска пройдёт,
Ведь за это песенка боролась
И хотя на это напоролась —
Смерть пройдёт, а не наоборот...

СТАНСЫ

1. Когда-то я любил свой дом
И был прозрачен
Для взглядов посторонних, и
Не мог иначе,
Сиял веснушчатым лицом,
Влюблялся быстро,
Писал кристальные стихи...
Асталависта!..
2. А ветер дует и с собой
Приносит ретро,
И кроны трещины дают
Под этим ветром.
Но под растрёпанной копной
Уже не прячем
Ни взгляд, ни мысли – на краю
Нельзя иначе.
А там ещё на одного
3. Просторней станет.
И пауза ещё одна
На нотном стане.
И в луже – зеркале кривом –
Муар от ветра.
И не спасают ни война,
Ни трубка мэтра.

ПРОБЛЕМЫ С СЕРДЦЕМ

1. И будет день, и будет пища,
и мы сойдёмся за столом,
два-три оставшихся от тыщи,
но вспомнить будет нам о ком...

И будет больше рюмок с хлебом,
чем нас, но ни один из нас
не будет более живым, чем
в тот тихий час...

2. С воздухом — и на ты,
с пеплом — на ты тем более...
Первый огонь — мосты,
третий огонь — цветы,
пятый-десятый — боль...

Знаешь, когда-нибудь
лёгкой осенней моросью
и нас коснётся чуть-чуть,
так, что и не вздохнуть
в голос...

Не забывай о них,
о тех, кто тебе был дорог!
Пусть ими дышит стих,
если уж сам притих
или притихнешь скоро!..

3. Вывернуть наизнанку
наволочку, чтобы в ней
сны мои не накапливались
и не мешали спать!

Вспомнить: ещё не кормлены
голуби и синички!

Вызвонить среди ночи
друга с другого города,
только чтобы сказать ему:
как ты мне дорог, друг!

Вспомнить: уже не лето...
но ведь ещё не зима!

Выбросить из головы
назойливые позывные
какой-то радиостанции,
которую слушал днём!

Вспомнить: вы живы!
Не все...

* * *

Покуда ты гуляешь по другим,
Ему не спится, он шарманку вертит,
Вскрывает электронные конверты,
От сигарет освобождая дым...

В дыму он видит разную тебя,
Но не живут картинки, как ни двигай...
Ему не спится, он сидит над книгой,
Бессмысленно страницы теребя,

Листает их, не узнавая слов,
И вслушивается в свою шарманку,
В полночных звёзд глухую перебранку,
В растерянное тиканье часов...

Кому, какую жертву принести,
Чтоб возвратиться на твою орбиту?
Как бабочку шершавую в горсти,
Он нежно понесёт свою обиду,

А вслух произнесёт лишь: «Береги
Себя, родная! Я, как прежде, рядом.
Что мне не спится, знать тебе не надо,
Покуда ты гуляешь по другим».

* * *

Красивым быть весь день, быть интересным,
От самого себя устать и честно

В гостиничное зеркало смотреть:
Там некто, вечно сжатый, как пружина,
Небритый и седеющий мужчина,
Собой довольный разве что на треть

От четверти того, что сто процентов,
Пугающийся пьяных и плаценты,
Блядей и чьей-то смерти на руках,
Боящийся, что выгладит моложе,
Что снова псориаз пойдёт по коже,
Что вечно будет на вторых ролях...

Там, в зеркале, меня почти не видно,
А зазеркалье нынче неликвидно,
И амальгаму нечем соскрести
(я ногти сгрыз). Кому какое дело?!
Ночь на подходе. Никакое тело
В постели мне уже не обрести.

Я был сегодня Мистер Сексапильность,
Серьёзность, Строгость, Нежность и Мобильность,
Но мне в лицо озвучили мой страх!
Распахнуто окно над Барнаулом,
Набит мой номер дымом, светом, гулом,
И девочки кровавые в глазах.

АЛМАТЫ

Я тебе: «коктыбэ, коктыбэ».
Ну, а ты мне: «медэу, медэу».
И выходит у нас так себе
Разговорчик, совсем не по делу.

И не наша вина, что язык,
Как приправа: немного, по вкусу;
Что тунгусу не внемлет калмык,
А хохол непонятен тунгусу.

Мы виновны, что наш разговор
Не стремится нас как-нибудь сблизить
И, увы, в лабиринте коллизий
Разговор превращается в спор,

И уже «коктыбэ» – не вопрос,
А «медэу» – не звук отвращения,
Но слова, на которых общенье
Невозможно...

* * *

Только секс и никакой романтики.
Дверь оставлю настежь: уходи!
Все цветы-свиданья – только фантики,
Содержимое – в моей груди.

Ты уйдёшь, другая двери выставит,
А затем ещё кому-нибудь
Я словами острыми и быстрыми
Беспощадно распластаю грудь.

Только секс, искусство наслаждения,
Исповедь сердец наоборот...
Уходи, ищи другого гения,
Кто тебя «полюбит и поймёт»!

Я готов и на кровосмешение –
Не завывать сейчас бы на Луну! –
Только секс: движение, движение, –
Чтоб не вспоминать всего одну!

* * *

Ты меня ещё обнимешь,
и не только виртуально,
над тобою вспыхнет воздух,
под тобой прогнётся твердь!..
Ничего, что ты далёко,
ничего, что сам я дальний,
главное, когда приспичит,
форточку не запереть,
чтобы я влетел на голос,
чтобы я влетел наощупь,
чтобы ты ко мне из дома
научилась улетать,
чтобы мы нашли дороги
даже самой душной ночью,
чтобы ангел для остратки
из-под нас украл кровать...

К ВОПРОСУ О РАЗЛИЧИИ ЛЮБВИ И СЕКСА

(слова, нашёптываемые на ушко девушке после бурного секса, с грустной, но невидимой в темноте улыбкой)

Кто сказал тебе глупость, что мы будем счастливы, милая?

Это сказка для тех, у кого никогда не стоит.

Засыпай, я чуть-чуть отдохну и возьму тебя силою,

Как имеет нас жизнь, как имеет бумагу пиит.

Но в отличие от, ты закусишь губу и расплачешься

Не от боли — от счастья, и станет солёной кровать...

А потом я усядусь к столу нагишом, чтобы начисто

Записать эту правду, и тут же вернусь — целовать.

* * *

Расправит плечи сумрак ночи,
Как недокомканный листок,
Рябой от множества отточий,
И повернётся на восток,
И кто кому в тетрадки дробит —
Запишется наискосок.

Наискосок и беглый почерк —
Всё, что останется от нас, —
Не боле двух *дефис* трёх строчек,
А может, и всего одна,
И завершённых одиночек
Запомнит честная страна.

* * *

Лиде Барминой

Подберите сирень: под ногами не место сирени!
Этот крохотный жест хроникёры потом сберегут.
Для чего нам сирень? Чтобы мы преклонили колени
Перед таинством цвета и запаха, и уходящих минут.

И тогда б не довлекло над нами проклятие мига,
И тогда б наши тени пред солнечным светом не падали ниц,
И, наверное, чаще тогда раскрывалась бы книга
На сирени, заложенной меж пожелтевших страниц.

* * *

Лене Овсянниковой

Плывут границы предметов,
И ты сливаешься с ними,
Становишься тоже – маревом,
Становишься – миражом...
Благословенное лето,
Знакомящее с другими
Границами, но ударь в него,
Как в колокол, и – свежо!

А если тебя захватит,
Поющая, словно Влади,
Ветвящаяся, как молния,
Весь этот июль насквозь,
Стихия дождя и света,
Возрадуйся, ибо где-то,
Пути пускай окольными,
Хоть чуточку, но сбылось

Назначенное свидание,
Надкушенная сигарета
И латте в гудящем здании...
Расплавленный, словно дым,
Ты вновь становишься тенью...
Благословенное лето,
Предаст ли тебя забвенью,
Остывший быть молодым?..

* * *

Нынче я, не как прежде, циничен.
Поз так много изобретено,
Что теперь мне смешно с Беатриче
И с Джульеттою скучно давно.

Всё забыл ради звука и слова,
Ради мерного счёта слогов.
Разве мама любила такого?!
Да, наверно... Но кто я таков?

Я – шипучая ветка сирени!
Я – ломтями нарезанный хлеб!
Дай башку положу на колени,
Как на плаху, чтоб был я, и – нет!

Дай напиться твоими губами!
Я ведь столько уже пригубил
Оттого, что стоят между нами
Свет софитов и склянка чернил.

* * *

В автобусе, в «пробке» слагаешь стихи,
записываешь на стекле запотевшем,
но тут же стираешь и каешься: «Грешен!»,
прикидываешься немного глухим,
чтоб только не слышать, как шепчут вокруг,
как пальцами тычут и думают громко,
не чувствовать, что обозначилась кромка
листа, за которой нет букв, но есть звук,
и шепчешь, уйдя в диктофон с головой,
закрывшись руками от взглядов и шума:
«Я верю, что счёт мой покроет с лихвой
за кромкой листа подведённая сумма...».

* * *

От весны до весны проживая сибирские сны,
Мы становимся беглыми гласными каторжной речи,
И негласно согласны почти на любое увечье,
Лишь бы смыслы речений всегда оставались ясны.

Сумасшедший язык, из которого лезут стишки,
Словно свежее тесто в тепле, от которого тесно!
Небу надо поспать – и раскрыта кровать, будто бездна...
Небу надо поспать – и не будет конца у строки...

ПОСТСКРИПТУМ

*Во мне перегорела книга, две,
А скоро станет пеплом и другая...
Вот так возьмёшь: от края и до края
Перелистаешь книгу, и, листая,
Сам вскоре уподобишься траве,
Растущей между рельсами трамвая...*

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 «Печали нет уже ни грамма...»
- 4 «Ловите радостный момент...»
- 5 «Беги, беги... Твой гений сбился...»
- 6 «Не зная брода...»
- 7 Дайвер
- 8 «...и день начнётся, и расхочется...»
- 9 «Золотоглазый пепел сигаретный...»
- 10 Апорт, жизнь, апорт!
- 12 Видоизменение
- 13 «Терпите радугу! Не сразу...»
- 14 «Мне хочется плакать от боли...»
- 15 Пушкинские Горы
- 16 «...а когда усталая продавщица...»
- 17 «Как жаль, теперь нам некогда грустить...»
- 18 «В эту комнату, словно в чужую...»
- 19 «Ему хватало ночника на стенке...»
- 20 «Гудит в самолётном сопле...»
- 21 [blok_o_doblestjax.mp3](#)
- 22 «В спинном мозгу разумного Урала...»
- 23 «Овал лица в квадрат окна...»
- 24 «Деревья в воздухе застряли, будто в пробке...»
- 25 «...а под занавес дождик...»
- 26 «Дорогая, не бойся, я здесь, на площадке курю...»
- 27 Ссора
- 28 «Спи! Я твой сон постерегу...»
- 29 В серых тонах
- 30 «Я разорюсь на эсэмэсках...»
- 31 «...а когда отпустило, он понял, что горек не чай...»
- 32 Сон
- 33 «...и, если Вы ещё от песен не оглохли...»
- 34 Волосы Береники
- 35 «Поезд, поезд... Новый Демосфен...»

- 36 «...и я сошёл в назначенном Иркутске...»
37 «Из чёрной ночи я иду на свет...»
38 «Свечи потухли, оплыли и попросту стали ненужными...»
39 «Жизнь проходит: дом, работа...»
40 «Не выговорить мне вон ту звезду...»
41 «Не важно, с кем разделишь ты кровать...»
42 «Плоть щедра на выгибы и всхлипы...»
43 «Бра останется гореть...»
44 «Душный день. И пыльная позёмка...»
45 «О, вещный мир под пальцами Сезанна...»
46 Осязание
47 «Окоём широк, но безотраден...»
48 «Когда наступит разочарованье...»
49 «Я разрываюсь между пустотой...»
50 «Вызубрю сквозь «Одиссею»...»
51 «...и выдохнул: воздух, запомни...»
52 «Смерть пройдёт в угольное ушко...»
53 Стансы
54 Проблемы с сердцем
57 «Покуда ты гуляешь по другим...»
58 «Красивым быть весь день, быть интересным...»
59 Алматы
60 «Только секс и никакой романтики...»
61 «Ты меня ещё обнимешь...»
62 К вопросу о различии любви и секса
63 «Расправит плечи сумрак ночи...»
64 «Подберите сирень: под ногами не место сирени!..»
65 «Плывут границы предметов...»
66 «Нынче я, не как прежде, циничен...»
67 «В автобусе, в «пробке» слагаешь стихи...»
68 «От весны до весны проживая сибирские сны...»
69 Постскрипtum

Иван Клиновой
Осязание
книга стихов

Редактор Виталий Науменко
Вёрстка Олег Наумов

Подписано в печать 8.07.2009
Формат 70 × 108 1/32
Бумага офсетная
Гарнитура Minion
Печать офсетная
Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинала
в типографии ООО ИПЦ «КАСС»

Адрес: 66 00 48, г. Красноярск,
ул. Маерчака, д. 65, стр. 23

